

Соловьев К.А.

Властное поведение в Московском государстве во второй половине XV в.

Московское государство во второй половине XV в. переживало процесс становления. Его институты были еще аморфны, границы властных полномочий различных органов не были строго очерчены. Только в самом конце этого периода Московская Русь, которая стала именоваться Россией, получила свой первый свод законов — Судебник Ивана III. В этих условиях властное поведение великого князя Всея Руси играло роль значительно более важную, чем в предыдущую или последующие эпохи, и по своему значению может быть сравнимо лишь с властным поведением Петра I, разрушавшего старую модель государственного управления и строившего новую. Ивану III приходилось нести на себе ношу творца нового государства, быть самодержцем, в том числе и в постоянном утверждении своего никем и ничем не ограниченного права на власть.

Властное поведение — это та деятельность, через которую выявляется право правителя (должностного лица) на власть. В этой деятельности сочетаются обезличенные начала власти (церемонии, ритуалы) и личностные характеристики правителя: то, как он понимает характер своей власти, и то, как сказывается на его поведении характер, темперамент, самочувствие и настроение в данный момент его деятельности. В зависимости от того, как складывается баланс личностных и обезличенных характеристик в поведении властного лица, можно выделить три условных типа властного поведения.

Первый тип — церемониальное властное поведение. Здесь доминируют обезличенные характеристики. Смысл действий правителя (должностного лица) — демонстрация властных прерогатив как таковых, вне соотнесения их с тем, каков правитель сам по себе. Наиболее ярко это проявляется в церковных ритуалах и об этом пойдет речь чуть ниже. *Второй тип* — официальное властное поведение. Здесь, на наш взгляд, можно говорить о равновесии между обезличенностью и личным началом во власти. С одной стороны, в официальном поведении значимы слова и поступки, предписанные условным «протоколом» (даже если такой документ еще не написан и его роль выполняют обычаи), с другой стороны, границы следования «протоколу» и «растяжимость» его границ, в зависимости от того, какой необходимо получить эффект, диктуется самим правителем. *Третий тип* — неофициальное властное

поведение. Здесь властное лицо демонстрирует свое право на доминирование, вне устоявшихся норм и правил, таким образом, как он считает это нужным.

Безусловно, в каждом конкретно властном действии можно выделить некоторые элементы всех трех типов. Но они будут находиться в разных пропорциях в зависимости от конкретной ситуации и личных характеристик правителя, а также от характера источника, фиксирующего это поведение. Так, в летописных сводах различного происхождения, с одной стороны, и в «Послании на Угру» Вассиана Рыло — с другой, мы можем заметить различную нюансировку действий Ивана III при отражении нашествия хана Ахмата. Из этих источников мы знаем о церемониальном властном поведении Ивана III (молебен в церкви), об официальном поведении (Совет великого князя, отбытие на Угру) и, наконец, о неофициальном (согласие на отъезд из Москвы великой княгини, колебания при стоянии на Угре). Но в источниках (если они не однотипны) баланс между тремя выделенными выше категориями, будет разным. Тем самым, выделяя в них типичные черты, мы можем получить индивидуализированную характеристику властного поведения, в которой черты эпохи должны сочетаться со специфическими особенностями взглядов, характера, привычек и стереотипов, которые присущи именно данному правителю.

В настоящей статье мы обратим внимание на те сообщения источников, в которых каждый из обозначенных выше типов может быть назван доминирующим. Это необходимо для формирования общего контура властного поведения Ивана III, после чего уже, в других работах можно будет переходить к более детальному разбору, характеристике деталей и оттенков.

Церемониальное поведение

Один из наиболее ярких примеров такого поведения Ивана III содержится в официальном летописании под 1471 годом и относится к началу похода великого князя на Новгород. В свое время, анализируя события предшествовавшие походу, Л.В. Черепнин обратил внимание на то, что власть в ту эпоху испытывала острую потребность в обратной связи с населением, но не обладала необходимыми ей коммуникационными инструментами. Поиск таких инструментов историк увидел в действиях власти накануне похода: «Предпринятая Иваном III попытка заручиться поддержкой «земли» накануне выступления общерусского значения представляла

собой нечто новое по сравнению с предшествующей практикой. Очевидно, это было вызвано ответственностью стоявшей перед Московским правительством задачи»¹.

Обратим внимание на церемонию, предшествующую выходу из Москвы великого князя. К этому времени решение о походе уже было принято, войска собраны, более того, часть войск уже отправлены: 31 мая на Двину, 6 июня к Рузе, а 13 — к Волочку². Была необходима церемония, символизирующая начало большого похода. И такая церемония состоялась. Но прежде чем перейти к ее анализу, отметим здесь, что в такой же ситуации, но только в 1465 г., выход из Москвы с войском на Новгород отца Ивана III, великого князя Василия Васильевича, описан очень просто: «Князь велики Василеи Васиьевич за неисpravление Новгородец поиде на Новгород ратью»³. Случилось это 19 января, а днем ранее была проведена (и затем подробно описана в летописи) церемония «отпущения» иконы Смоленской Божьей Матери, хранившаяся в то время в Москве, в церкви Благовещения. В этой церемонии, помимо самого великого князя, митрополита и других иерархов, приняли участие «великая княгиня Мария и сыневе их, велики князь Иван и князь Юриби и Андрей и Борис и Андреи меншеи, принесен на руках еще детеск вельми...» (то есть вся семья великого князя), а также «и князи и бояры» и «мноее множество воинства на Москве... и народ великого града»⁴. Таким образом, церемония перенесения иконы Божьей матери стала для Василия III прологом выхода войск в военный поход и формировала в сознании участвующих представление о небесном покровительстве воинству великого князя.

Теперь вернемся к церемонии начала похода на Новгород войск великого князя Ивана Васильевича. В отличие от довольно простой по исполнению церемонии 1565 г. (в которой он сам принимал участие), церемония 1471 г. была сложносоставной, включающей в себя «молебны», «молитвы» и «милостыню». О молебнах и милостыне, рассылаемой «по земли свои и по церквам и монастырем»⁵ священникам и черноризцам и нищим», говорится в самом начале ее описания. В официальном летописании помещены рассказы о посещении Иваном Васильевичем Успенского собора (где особого внимания удостоились икона Успенской Божьей Матери и икона

---

¹ Черепнин Л.В. К вопросу о складывании сословно-представительной монархии в России (XVI век) // История СССР. 1974. № 5 С. 58.

² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004. С. 286.

³ Там же. С. 274.

⁴ Там же. С. 273.

⁵ Там же. С. 287.

Богоматери, «юже сам чудотворец Петр написал»⁶, а также могилы митрополитов Петра, Киприана, Фотия и Ионы), собора Михаила архангела (с приделом Благовещения, где захоронен митрополит Алексей); о поклонении могилам предков «от великого князя Ивана Даниловича и до отца его великого князя Василия». У могил предков Иван III, согласно летописанию, произносит моление: «Аще духом далече есте отсюду, но молитвою помозите ми на отсупающих православия державы вашеа»⁷.

Далее наступил черед других церквей и монастырей московского кремля, обход которых сопровождается свершением молебнов и милостыней. И в завершение великий князь приходит к митрополиту Филиппу, «прося благословения и прощения». Среди сопровождавших Ивана III отмечены: царевич Данияр, и «прочии вои великого князя, князи его мнози и воеводы со мною силою»⁸. При описании церемонии отдельно упомянуты «архистратиг Михаил... и прочии бесплотные его», у которых великий князь просит «помощи и заступления», Дмитрий Донской, Давид, победивший Голиафа, а в Никоновской летописи еще Владимир Святой с сыновьями страстотерпцами Борисом и Глебом — жертвами политики князя — «отступника» Святополка Окаянного⁹.

Текст летописи наполнен библейскими, литературными и «святоотеческими» коннотациями. Две из них очевидны: это символика Давида, победившего Голиафа и отсылка к памяти Бориса и Глеба. Еще одна коннотация — указание о молении Ивана III «со многими слезами»¹⁰. Это — прямая отсылка к церемониальному поведению византийского императора из «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г.». Там «цесарь», при начале осады города турками, совершает церемониальный молебен «с святители и весь священный собор, и множество жен и детей хожаху по церквам Божьим, и мольбы и моления деюще»¹¹. После отражения приступа и гибели 5700 защитников император «бе плача и рыдая не пересташе, видяще падение своих людей»¹². Еще раз он «горько плачет», отказываясь покинуть город по просьбе своих приближенных¹³. Молитва со слезами, молитва с плачем — все это отчетливо внеличностные характеристики властного поведения, а другими словами — важная

---

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ ПСРЛ Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 131.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 287.

¹¹ Библиотека литературы Древней Руси (далее — БЛДР) Т. 7. М., 1999. С. 32.

¹² Там же. С. 40.

¹³ Там же. С. 42.

часть церемониального властного поведения, которое «предписано» правителю христианской традицией.

Но самая интересная и глубокая христианская коннотация заложена в дате проведения церемонии. Она была проведена «июня в 20 день, на память святого отца Мефодия, епископа Патаромска (в современном написании — Мефодий Патарский)»¹⁴. День, разумеется, выбран не случайно. Мефодий Патарский известен борьбой с еретиками (что прямо указывает на «священную» функцию военного похода на Новгород), а на Руси — и как автор «Слове о царстве язык» (оно же «Откровение» Мефодия Патарского). Для того чтобы понять, почему церемония приготовления к походу на новгородских «отступников», была проведена именно в день поминовения Мефодия Патарского, необходимо ознакомиться с так называемой «русской интерполированной редакцией»¹⁵ перевода «Откровения», получившей широкое распространение на Руси именно во второй половине XV в., и даже не со всей редакцией, а лишь с одним фрагментом.

Вот этот фрагмент: «И после этого поднимется одна женщина из Понта, по имени Мондана, и будет она царствовать в городе Александрийском. И будет она колдунья, дочь дьявола. Во время ее [царствования] будут войны, и убийства многие по всем улицам и во дворах [домов], и уьем друг друга, и брат брата, и сын отца, и отец сына. И будет зла много у людей в городе этом. И в святых церквах будут грех совершать, [будут играть на] гусях, и плясания, и песни сатанинские, и оскорбления бесовские [будут], какие человек никогда до тех времен не мог видеть. Ибо та нечистая царица Богом себя назовет и, умыв свое лоно, осквернять начнет людей греческих, и святая святых осквернять начнет: и разграбит сады церковные, и соберет святые образы, и святая святых — Евангелия, и все книги церковные и, сделав громадную кучу, сожжет огнем, и церкви разрушит. (...) И разгневается на нее Господь Бог великой яростью. И протянет Господь руку Свою на город этот и пошлет Господь архистратига своего Михаила. Пусть [архистратиг] подрежет его [город] серпом, ударит его скипетром и окружит его, и так погрузит его с людьми, как жернов, в глубину морскую (...)»¹⁶.

---

¹⁴ ПСРЛ Т. 12. С. 131.

¹⁵ Мильков В.В. Комментарии к «Откровению Мефодия Патарского» // Апокрифы Древней Руси: Тексты и исследования. М., 1997. URL: http://medograd.narod.ru/hozdzosi.htm#_ftn18.

¹⁶ Откровение Мефодия Патарского / пер. Л.Н. Смольниковой // Апокрифы Древней Руси: Тексты и исследования. М., 1997. URL: http://medograd.narod.ru/hozdzosi.htm#_ftn18.

Проведение официальной церемонии «молений» перед началом похода на Новгород, на наш взгляд, устанавливает прямую связь между торговым «городом Александрийским» и Новгородом, а также Монданой, завладевшей Александрией, и Марфой Борецкой (неформальным лидером оппозиции Ивану III в Новгороде). Сам же Иван Васильевич, обращающийся в своем молебствовании к архистратигу Михаилу, становится исполнителем Божественной воли, явленной в «Откровении».

Итак, церемония 1471 г. в том виде, как она представлена в официальном летописании, содержит в себе несколько обязательных элементов. Во-первых, она проводится в форме религиозных обрядов. Во-вторых, она символична и эта символика многослойна. Ее *глубинные слои* (прежде всего, сопоставление Марфы Борецкой с Монданой) скрыты в церковной литературе и доступны только очень образованным людям. *Средние слои*: символика Давида, образы Владимира-Василия (бывшего первым в потомстве Рюрика новгородским князем) и его сыновей-страстотерпцев Бориса и Глеба — доступны любому грамотному христианину. *Поверхностные слои* этой символики (поклонение могилам предков, прежде бывших в Москве митрополитов, а также обращение к архангелу Михаилу с его «воинством») понятны всем. Церемония проводится при большом стечении народа, и в этом, собственно говоря, и есть ее смысл: правота (легитимность готовящегося действия) великого князя наглядна и зрима для всех. В-третьих, литературные коннотации этой церемонии заложены не только в выборе даты ее проведения, но и в описании ее проведения. В частности, моление «со слезами» — скорее литературный прием, чем реальная деталь.

Описание *церемонии возвращения* великого князя Ивана Васильевича из покоренного Новгорода столь же символично, как то, что было представлено выше. В «Московском летописном своде конца XV века» оно выглядит так: «Месяца сентября 1 день на память преподобного Семиона Столпника князь велики во отчину, в славный град Москву, победив супостаты своя, казнив противящихся ему и нехотящих повиноваться ему, привед в волю свою, и многу корысть и славу преобрет. И срете его Филлип, митрополит близ церкви, только с мосту больего сшед каменого до кладязя площадного, со всем освященным собором, а народи Московьстии многое их множество далече за градом стречали, инии за 7 верст пеши, а инии ближе, малые и великие славнии и неславнии, бесчисленное их множество, а сын его князь велики

Иван и брат его князь Иван Меньшой и князи его и бояря и дети боярские и гости и купцы и лучшие люди, сретили его на канун семена дня, иде же бе начевати ему»¹⁷.

Эта церемония, как видно из описания, была приурочена к дню Симеона Столпника и разделена на две части. Первая часть (накануне симеонова дня и собственно входа великого князя в Москву) — светская церемония встречи великого князя с жителями Москвы (начиная с оставленного правителем сына и до «неславных»), что является явным продолжением древнейшего обычая «встречи князя за городской чертой», известной со времен древней, домонгольской Руси¹⁸. При этом оборот «малые и великие» в описании церемонии придает и этой части церковно-христианский характер, поскольку заимствован из «Откровения Иоанна Богослова»: «После сего я услышал на небе громкий голос как бы многочисленного народа, который говорил: аллилуия! спасение и слава, и честь и сила Господу нашему! Ибо истинны и праведны суды Его: потому что Он осудил ту великую любодейцу, которая растлила землю любодейством своим, и взыскал кровь рабов Своих от руки ее. И вторично сказали: аллилуия! И дым ее восходил во веки веков. Тогда двадцать четыре старца и четыре животных пали и поклонились Богу, сидящему на престоле, говоря: аминь! аллилуия! И голос от престола исшел, говорящий: хвалите Бога нашего, все рабы Его и боящиеся Его, малые и великие (Откр: 19; 1–5).

Символика «побежденной любодейцы» «закольцовывает» в описании и светской церемонии тему ложной правительницы, начинаясь с Монданы и далее продолжаясь в символике религиозной церемонии следующего дня. День Симеона Столпника для вступления Ивана III в Москву, конечно, был выбран не случайно, поскольку в русском варианте его жития есть эпизод с пресечением «еретичества» императрицы: «Однажды преподобному [Сименону. — К.С.] сделалось известно, что император Феодосий Младший возвратил иудеям молитвенный дом, который был отдан христианам. Тотчас послал он письмо к царю и, не стесняясь лицом царским, грозил ему гневом Божьим. Прочитав письмо, царь убоялся — опять повелел христианам принять молитвенный дом, градоначальника, советовавшего возвратить церковь иудеям, низложил с градоначальства и послал от себя моление к преподобному, прося, Богу. Супругу того же царя, царицу Евдокию, по смерти мужа своего впадшую в евтихианскую ересь, преподобный увещал своими письмами и в течение четырех месяцев снова обратил ее к благочестию. По обращении своем,

---

¹⁷ ПСРЛ Т. 25. С. 292.

¹⁸ Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 141.

проживши еще четыре года в покаянии, она сподобилась блаженной кончины в Иерусалиме и была погребена в церкви св. первомученика Стефана, ею же созданной»¹⁹.

Таким образом, при всей многослойности символики церемониального поведения, явленного нам в этих двух ситуациях, мы можем выделить два типа сигналов, своеобразными «кругами» расходящихся, при проведении церемонии. *Первый тип* — сигнал о единстве правителя и народа, участвующих в общей церемонии, проводимой на основе древних традиций. Причем в первой церемонии (начала похода) «роли» участников распределены так, что «действующим лицом» является государь, а народ выступает в качестве зрителя. Во второй же церемонии возвращения народ («славные и неславные») находится на исторической сцене. *Второй тип* сигналов имеет церковную основу и обращен к тем, кто способен понять глубинную символику религиозных текстов (или хотя бы ознакомлен с ней). Можно выдвинуть предположение, что сигналы этого типа обращены не столько к народу (который без подробного объяснения их не поймет), а скорее к самому государю и его ближайшему кругу. Это своего рода самооправдание: все что сделано — сделано правильно и иначе сделать было нельзя.

Рассмотрим теперь ситуацию, когда религиозная символика проводимой церемонии легко «считывалась» простым народом. Назовем ее «казус латинского креста». Софья Палеолог, невеста великого князя, прибыла кораблем в Кольвань 21 сентября, а 1 октября в сопровождении «лягатоса Антония» посла Папы Римского, Ивана Фрязина, посла великого князя и других лиц отправилась в Москву. В Пскове и Новгороде ей была оказана «честь великая», но вот «яко уже близ Москвы» было получено известие, что «тот посол Антонии лягатос идет с царевною, а перед ним крыж несут, понеже бо папа той почеть великую идти тако по всем землям их и до Москвы»²⁰. Церемония с латинским двусоставным крестом была воспринята как враждебная православию. По итогам обсуждения в ближнем кругу Ивана III было принято решение: крест убрать. Навстречу Софье, по сообщению Софийской летописи, был отправлен боярин Федор Давыдович Стародубский Пестрый, заставший процессию в 15 верстах от Москвы²¹. Легат Антоний и Иван Фрязин, «постоя мало о

---

¹⁹ Житие преподобного и богоносного отца нашего Симеона Столпника. // Жития святых Димитрия Ростовского. Т. 12. М., 1904. URL: <http://www.saint-fathers.org/simeon-stolpник-drevnie-zhitiya-1-sostavlennoe-antoninom-uchenikom-ego-v-vek-2-svyatitelem-dmitriem-rostovskim-po-rukopisi-metafrasta-x-vek-slushat-onlayn-chitat-skachat-mp3.html>.

²⁰ ПСРЛ Т. 25. С. 299.

²¹ ПСРЛ Т. 6. Вып. 2. Софийская летопись. М., 2001. Ст. 214.

том» [т.е. поспорив. — *К.С.*] сотвори волю великого князя»²². В Москву процессия Софьи вступала без креста, который князь Стародубский (опять-таки по тексту Софийской летописи) отнял у легата и в сани положил²³.

При этом никакого упоминания о «части великой» или встрече Софьи и сопровождавших ее лиц самим великим князем и московским народом (за пределами Москвы или хотя бы на ее улицах), в летописании нет. Зато указано, что царевна «внидоша в град» 12 ноября²⁴. А 12 ноября по юлианскому календарю — это день поминовения пророка Ахии, известного двумя пророчествами. Первое пророчество именуется «раздиранием новых одежд». Для его толкования нам необходима цитата большого объема: «И взял Ахия новую одежду, которая была на нем, и раздрал ее на двенадцать частей, и сказал Иеровоаму: возьми себе десять частей, ибо так говорит Господь, Бог Израилев: вот, Я исторгаю царство из руки Соломоновой и даю тебе десять колен, а одно колено [в греческом переводе: два колена. — *К.С.*] останется за ним ради раба Моего Давида и ради города Иерусалима, который Я избрал из всех колен Израилевых. Это за то, что они оставили Меня и стали поклоняться Астарте, божеству Сидонскому, и Хамосу, богу Моавитскому, и Милхому, богу Аммонитскому, и не пошли путями Моими, чтобы делать угодное пред очами Моими и соблюдать уставы Мои и заповеди Мои, подобно Давиду, отцу его. Я не беру всего царства из руки его, но Я оставлю его владыкою на все дни жизни его ради Давида, раба Моего, которого Я избрал, который соблюдал заповеди Мои и уставы Мои; но возьму царство из руки сына его и дам тебе из него десять колен; а сыну его дам одно колено, дабы оставался светильник Давида, раба Моего, во все дни пред лицом Моим, в городе Иерусалиме, который Я избрал Себе для пребывания там имени Моего. Тебя Я избираю, и ты будешь владычествовать над всем, чего пожелает душа твоя, и будешь царем над Израилем; и если будешь соблюдать все, что Я заповедую тебе, и будешь ходить путями Моими и делать угодное пред очами Моими, соблюдая уставы Мои и заповеди Мои, как делал раб Мой Давид, то Я буду с тобою и устрою тебе дом твердый, как Я устроил Давиду, и отдам тебе Израиля; и смирю Я род Давидов за сие, но не на все дни» (3 цар.; 9, 30–39).

Символика даты 12 ноября раскрывается этой цитатой так: царь Соломон, «из руки» которого отбирается царство, за распространение языческой веры (читай — латинства) — это династия византийских царей. Власть над двумя «коленами

---

²² ПСРЛ Т. 25. С. 299.

²³ ПСРЛ Т. 6. Вып. 2. Ст. 214.

²⁴ ПСРЛ Т. 25. С. 299.

Израиелевыми» — это сохранившееся властное достоинство Софьи. А наставление Иеровоаму «ты будешь владычествовать над всем, чего пожелает душа твоя, и будешь царем над Израилем; и если будешь соблюдать все, что Я заповедую тебе» — это и есть главное наставление Софье: отойди от латинства и будешь царицей.

Но есть еще одно пророчество Ахии. Оно дано жене Иеровоама, пришедшей просить за больного сына. И вот что ей ответил пророк: «Пойди, скажи Иеровоаму: так говорит Господь, Бог Израилев: Я возвысил тебя из среды простого народа и поставил вождем народа Моего Израиля, и отторг царство от дома Давидова и дал его тебе; а ты не таков, как раб Мой Давид, который соблюдал заповеди Мои и который последовал Мне всем сердцем своим, делая только угодное пред очами Моими; ты поступал хуже всех, которые были прежде тебя, и пошел, и сделал себе иных богов и истуканов, чтобы раздражить Меня, Меня же отбросил назад; за это Я наведу беды на дом Иеровоамов (...) и вымету дом Иеровоамов, как выметают сор, дочиста; кто умрет у Иеровоама в городе, того съедят псы, а кто умрет на поле, того склюют птицы небесные; так Господь сказал: Встань и иди в дом твой; и как скоро нога твоя ступит в город, умрет дитя...» (3 цар.; 14, 7–12).

При сопоставлении двух пророчеств Ахии, чей день поминовения был избран для вступления Софьи в Москву и встречи её с семейством великого князя, мы видим, что первое пророчество выглядит как сбывшееся для дома византийских императоров, а второе — как предостережение самой Софье. Перевод церемонии встречи из категории всенародной «чести великой» (как это было в Пскове и Новгороде) в категорию дворцового действия, вероятно, был связан с конфликтами вокруг «латинского креста» и венецианского дипломата Ивана Тревизина, посланного с миссией в Большую орду.

Таким образом, можно говорить о том, что символика властного церемониального поведения в «казусе креста» по-прежнему имеет церковную основу, и так же, как в церемониях, связанных с походом на Новгород, обращена в *первую очередь* к государю (и будущей государыне) и лишь *во вторую* — к народу. А этой второй стороной церемонии, как выясняется, можно и пренебречь.

Официальное и неофициальное поведение. Дружественные отношения

Если властное церемониальное поведение — это поступки, смысл которых в оформлении принятых решений и донесении его до тех, кому это решение нужно знать, то властное официальное поведение — это действия в процессе принятия решений. Смысл этой части властных поступков заключается в обосновании правильности не

самого решения как такового, а *способа его принятия*. Необходимость соблюдения «протокола принятия решения» может быть объяснена так: если решение принимается правильной последовательностью действий (по старине, по отчине) — это правильное решение. Если же решение принимается не в соответствии с принятыми правилами (традициями, обычаями), то его исполнение может привести к конфликту. Рассмотрим сначала «правильное» официальное поведение великого князя Ивана Васильевича III, увиденное «со стороны», глазами иностранца.

Самый большой и самый информативный текст на эту тему содержится в сочинении Аброджо Контарини «Путешествие в Персию». Это описание последней его встречи с Иваном III в январе 1476 г., на которой посол получил разрешение покинуть Москву и отправиться домой. Вот тот фрагмент записок Контарини, где описана сначала неофициальная часть встречи великого князя и посла — аудиенция, а затем официальная — торжественный обед («пир»):

«На следующий день я был приглашен во дворец на обед к великому князю. До того, как идти к столу, я вошел в покой, где находились его высочество и упоминавшийся выше Марк и еще другой его секретарь; с доброжелательнейшим лицом его высочество обратился ко мне с самыми учтивыми, какие только могут быть, словами, настоятельно прося меня засвидетельствовать моей светлейшей синьории, что он — ее добрый друг и таковым желает остаться и что он охотно меня отпускает, предлагая во всем содействовать, если мне что-либо понадобится. Пока государь произносил свою речь, я понемногу отдалялся, но его высочество все время приближался ко мне с величайшей обходительностью. Я ответил на все, что он мне сказал, сопровождая свои слова выражением всяческой благодарности. В подобной беседе мы провели целый час, если не больше.

Великий князь с большим радушием показал мне свои одежды из золотой парчи, подбитые прекраснейшими соболями.

Затем мы вышли из того покоя и медленно прошли к столу. Обед длился дольше обычного, и угощений было больше, чем всегда. Присутствовало много баронов государя.

По окончании обеда мне предложили встать из-за стола и подойти к его высочеству, который громким голосом, чтобы все слышали, объявил мне о своем разрешении отправиться в путь; он проявил также большую дружественность по отношению к нашей светлейшей синьории. Я же поблагодарил его высочество, как полагается.

Затем мне была поднесена большая серебряная чаша, полная медового напитка, и было сказано, что государь приказывает мне осушить ее всю и дарует мне эту чашу. Такой обычай соблюдается только в тех случаях, когда хотят оказать высшую честь либо послу, либо кому-нибудь другому. Однако для меня оказалось затруднительным выпить такое количество — ведь там было очень много напитка! Насколько я помню, я выпил только четвертую часть, а его высочество, заметив, что я не в состоянии выпить больше, и заранее зная к тому же об этом моем свойстве, велел взять у меня чашу, которую опорожнили и пустую отдали мне. Я поцеловал руку его высочества и ушел с добрыми напутствиями.

Многие его бароны проводили меня до лестницы и облобызали с проявлениями большого доброжелательства»²⁵.

Итак, сначала следует *неофициальная часть*. Здесь великий князь принимает посла «сам-третей» (с двумя секретарями) и более того, произнося «учтивы слова», моделирует ситуацию разговора «один на один», сокращая дистанцию между ним и послом до того, что Контарини (который эту дистанцию должен блюсти) вынужден был отодвигаться. В создании атмосферы неофициальной «приязни» задействованы: мимика великого князя («доброжелательнейшее лицо»), его речь («учтивы слова»), поза и жесты («величайшая обходительность»). Кроме того, вариантом поведения, при котором «снимается» дистанция между правителем и послом, стала своеобразная демонстрация парадных одежд великого князя. Еще одна примета неофициальной доброжелательности — продолжительность беседы (час, «если не больше»).

В этом описании главными приметами неофициального властного поведения выступают следующие черты: общение без посторонних; устранение дистанции, что переводит общение из сферы церемоний в сферу личного общения; заранее продуманное или импровизационное отступление от протокола встречи, что выражается в ее продолжительности и демонстрации одежд.

Далее следует описание *официальной части* аудиенции. В ней мы находим черты, строго противоположные тем, что были в части неофициальной. Во-первых, торжественный обед, на который был приглашен посол, — это, в первую очередь, собрание лиц, причастных к управлению («много баронов государя»). Во-вторых, на протяжении всего обеда сохраняется дистанция между правителем и послом. И только по его окончании послу дозволено приблизиться. В-третьих, все действующие лица поступают строго по протоколу. Сам великий князь «торжественно объявляет» свое

---

²⁵ Контарини А. Путешествие в Персию. М., 2010. С. 164–166.

разрешение послу уехать из страны и дарит ему пиршественную чашу с медом. Посол в ответ выпивает напиток (сколько может) и благодарит великого князя. В-четвертых, действие не заканчивается взаимными протокольными жестами правителя и посла. В проходах посла принимают участие придворные («бароны»), демонстрируя свое «доброжелательство».

Таким образом, мы можем видеть, что в рамках одной аудиенции, желая продемонстрировать свое расположение как к самому послу, так и к государству, которое он представляет, Иван III решал эту задачу двумя разными способами. В официальной части он объявлял свою волю «по протоколу» и тем самым являл собой неперсонифицированную функцию величия власти (в ее «доброжелательном» варианте). Отсюда — дистанция, громкая речь, церемония дарения чаши, целование руки великого князя послом. В неофициальной части он демонстрировал свое собственное (персонифицированное) отношение с такой старательностью, что даже слегка смутил посла. Объединяет две части властного поведения одно: количество времени, выделенное как на одну часть, так и на другую было очень значительным, что, безусловно, означало одно — заинтересованность великого князя в том, чтобы его «дружеское расположение» было доведено до правительства Венецианской республики.

Хотелось бы особо обратить внимание на то, что в описании церемониального властного поведения, все его смыслы раскрываются при обращении к христианской догматике и православной традиции. Человек, присутствующий на такой церемонии, но не обладающий знанием церковных текстов, не будет в состоянии понять ее символического значения. И совсем иначе обстоят дела с поведением официальным. Его символика не так глубока, как у церемониального поведения. Человек, знакомый с литературой того времени, легко раскроет значение большинства знаков, подаваемых правителем и его придворными. Место проведения официальной церемонии — это «палаты», «дворец», «двор». Сама по себе официальная церемония воспроизводит древнюю традицию «пира» правителя со своими советниками. Правитель, как это отражено в литературных произведениях, должен быть окружен большим количеством подданных. В его поступках и речах мало индивидуального, они скорее символичны, чем ситуативны. Наконец, в качестве важного символа официально принятого решение выступает «дар» — частица богатства, переходящая от правителя к персонажу, на котором фокусируется принятое решение. Дар (в описании Контарини — серебряная

чаша) является и символом («гарантом») принятого решения, и материальным свидетельством доброй воли правителя.

Символика (и само наличие) драгоценностей чрезвычайно важный элемент официального властного поведения. Это очень заметно в литературных произведениях той эпохи. Но это же наглядно проявляется в тех редких случаях, когда властные конфликты представлены в источниках. Сравним две ситуации «властного конфликта», начала и конца XV в.

Официальное и неофициальное поведение. Конфликт

Первая из этих двух ситуаций (а в ней официальное и неофициальное властное поведение великого князя теснейшим образом переплелись), описана в русских летописях под 1433 годом. Летописные своды, не связанные с официальным московским летописанием, описывают произошедшее скупко: «Женися князь вылики Василеи Васильевич февраля 8, и на той свадьбе Захарья Иванович Кошкин имался за пояс у князя Василья у Юрьевича у Косого...»²⁶

Летописные же своды, отражающие официальную позицию московской власти, уделяют конфликту гораздо больше места, с точным пояснением того, почему необходимо дать подробное освещение конфликта, разгоревшегося между князем Василием Юрьевичем Косым и семейством Великого князя: «Се же пишем того ради, понеже много зла с того ся почало»²⁷. Обстоятельства возникновения конфликта таковы: на свадьбе великого князя Василия Васильевича московский наместник в Ростове, боярин Петр Константинович «познал... на князе Васильи [Косом. — К.С.] пояс золот на чепех с камнем, что было приданой князя великаго Дмитрия Ивановича от князя Дмитрия Константиновича Суздальского»²⁸. Далее следует подробнейшее объяснение того, как обман тысяцкого Василия Вельяминова (подмена настоящего пояса на «меньшой») привел к тому, что пояс подаренный Дмитрию Донскому оказался не у его внука Василия III, а у представителя младшей ветви рода.

Таким образом, в реальной жизни воспроизводится литературно-знаковая ситуация: драгоценный дар, украшением которого были золотое шитье, «чепи», драгоценные камни, оказывается подмененным и попадает не в те руки. Кроме того, с этим к младшей ветви рода переходит и один из символов великокняжеской власти.

---

²⁶ ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. Спб., 1910. С. 147. То же, но с датой 7 февраля — в Софийской второй летописи (ПСРЛ Т. 6 Вып. 2. М., 2001. Ст. 65) и в Львовской летописи (ПСРЛ. Т. 20. Спб., 1910. С. 238).

²⁷ ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 172.

²⁸ Там же.

Официальная реакция матери великого князя Василия Софьи Витовны на появление Василия Косого в золотом поясе, который должен был (по ее мнению) принадлежать старшей ветви династии, а значит — ее сыну, выглядела так: «Княгиня же великая Софья снять с него тогда»²⁹, поручив это, видимо, боярину Кошке. Та черед событий, что случилась далее, с момента, когда «и стого князь Василий и князь Дмитрий [Шемяка. — К.С.] раззлюбившись побегоша с Москвы к отцу в Галич»³⁰, получила впоследствии наименование Феодалной войны.

Война между ветвями рода Дмитрия Донского все равно бы началась. Об этом и летописец недвусмысленно пишет перед тем, как рассказать о конфликте из-за золотого пояса, специально прерывая рассказ о свадьбе Василия II фразой: «Тоя же зимы Иван Дмитриевич [Всеволожский. — К.С.] отъехал с Твери в Галич к князю Юрию Дмитриевичу и начат подговаривати на великое княжение. И князь Юрий по его думе по дети своя, по князя Василия и по князя Дмитрия Шемяку, на Москву, послал»³¹. Но нам важно то, что в качестве официального повода к началу междоусобицы летописи отмечают именно спор вокруг символического «дара», обернувшийся чередой взаимных действий по унижению оппонентов. Сначала Василий Косой «унижает» достоинство великого князя, явившись на официальную церемонию в поясе, который, как будто, должен принадлежать Василию Васильевичу. А затем уже Софья своим приказом отобрать пояс без всяких кавычек унижает всю семью дяди великого князя, Юрия Дмитриевича, который, к тому же, считает себя прямым претендентом на московский престол.

Этот пример конфликта на почве официальных регалий важен здесь тем, что много лет спустя Иван III воспроизведет его, практически полностью повторив драматический жест своей бабушки, правда в других реалиях. Московское официальное летописание конца XV в. этот эпизод игнорирует (что, скорее всего, является результатом редакторской правки времен правления Василия III), однако он сохранился в Софийской II и в Типографской летописях (формирование состава последней шло в Ростове) под 1484 годом. Вот этот эпизод, начинающийся рождением у Ивана Ивановича Молодого сына Дмитрия: «... восхоте князь великий Иван Васильевич сноху свою [Елену. — К.С.] дарити сажением первые свои великие княгини тверские, и просил у второй у своей великой княгини римлянки того сажения. она же не дасть ему, понеже бо много истеряла казны великого князя, давала бо брату,

---

²⁹ Там же. С. 173.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 172.

иное же давала за свою племянницу в приданые князю Василью Михайловичу верейскому. Князь же велики посла к нему и взя у него приданое все, еще же хотел его с княгинею поимать, он же бежа в Литву и со княгинею х королю»³².

В исторической литературе доминирует трактовка этого эпизода, где гнев великого князя и приказ отобрать подаренное украшение объясняется как демонстрация властных возможностей великого князя, которому никто не указ. Вот объяснение А.А. Зимина: «Эпизод интересен не только для истории отношений Ивана III с удельными князьями, но и для понимания роли при великокняжеском дворе самой Софьи»³³. А вот — Р.Г. Скрынникова: «История с «сажением» поражает своей несообразностью. Женское украшение не имело значения княжеской регалии и не принадлежало к числу самых ценных вещей великокняжеской сокровищницы. «Сажень» было не более чем поводом к фактическому изгнанию из страны Василия Верейского и Марии Палеолог»³⁴.

На наш взгляд, в этом конфликте наглядно проявляется столкновение двух типов властного поведения: неофициального (Софья) и официального (Иван III). Софья, раздающая в качестве подарков и приданого драгоценности, доставшиеся ей от первой жены великого князя, видит в них лишь возможность усиления собственного влияния. И ничего более. Раздача подарков — это властное поведение. Но, в случае с Софьей, в нем нет и намека политическое или символическое значение. Для Ивана III все обстоит совершенно иначе. Драгоценности его первой жены — это достояние тверского княжеского дома. Оно имеет символическое значение, не меньшее, чем золотой пояс суздальского князя, подаренный великому князю и оказавшийся в собственности князя удельного. Передача «тверского наследства» (тем более в тот момент, когда Иван III только готовился завладеть Тверским княжеством и объявить своего сына великим князем Тверским) во владение удельного князя Верейского ломало всю логику «дарений». А торжественное вручение тверского «саженья» жене Ивана Молодого сразу после рождения у того сына было задумано Иваном III как отчетливый, логичный и красивый *политический жест*, символизирующий передачу «тверского наследства» в семью старшего сына великого князя.

---

³² ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Ст. 317–318. То же, с некоторыми стилистическими изменениями: Т. 24 (Типографская летопись). Пг., 1921. С. 202–203.

³³ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982. URL: http://annales.info/rus/zimin/zim2_04.htm#_ftnref5.

³⁴ Скрынников Р.Г. Иван III. М., 2006. С. 192. Мысль об использовании дела о «саженьи» как предлога для ликвидации Верейского удела содержится уже у С.М. Соловьева: Соч. Кн. III. Т. 5. М., 1909. С. 45.

Да, спору нет, женские украшения не являются княжескими регалиями. Однако, на наш взгляд, «дарение» драгоценностей — это проявление официального властного поведения, символичного по своей природе. Проступок Софьи (и ее племянницы) состоял в том, что они допустили снижение акта «дарения» до простого перехода драгоценностей из одних рук в другие, проигнорировав его символическую сторону. Иван III воспринял это как прямое вторжение в сферу его властных полномочий, что и привело к конфликту.

Подведем итоги. По нашему мнению, церемониальное властное поведение великого князя всея Руси точно так же, как и его официальное поведение, в первую очередь глубоко символично. Разница в том, что поведение церемониальное ориентировано почти исключительно на символику христианских церковных текстов. Дата проведения церемонии, ее последовательность, содержание речей — все построено на глубоком знании христианских символов, содержащихся в Ветхом и Новом Завете, в житиях святых. Смысл церемонии не только и не столько в том, чтобы продемонстрировать правоту принятых решений, сколько в том, чтобы подкрепить собственную убежденность в этой правоте.

Официальное властное поведение, если так можно выразиться, более приземлено. Оно тоже символично, но его символика раскрывается через знание традиций властного поведения, передающихся из века в век и через те литературные шаблоны, которые применяются как переводной, так и в отечественной беллетристике, получившей распространение в ту эпоху. Официальный поступок — это всегда глубоко продуманный и насыщенный символикой жест, означающий правоту задуманного или совершенного поступка. Нарушение символики этих жестов ведет к конфликтам, начинающимся как символические, но имеющие продолжение в реальной жизни.

Что же касается неофициального властного поведения, то оно тоже литературно, но символики в нем меньше. Оно допускает свободу импровизации, тем более, что возможно оно лишь в представлении самого узкого круга приближенных.

Список литературы:

1. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. М., 1999.
2. Ермолинская летопись. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 23. СПб., 1910.
3. Житие преподобного и богоносного отца нашего Симеона Столпника // Жития святых Дмитрия Ростовского. Т. 12. М., 1904.

4. *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982.
5. *Контарини А.* Путешествие в Персию / перевод Е.Ч. Скржинской для издания: Барбаро и Контарини о России. М., 1971. М., 2010.
6. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. ПСРЛ Т. 12. М., 2000.
7. Львовская летопись. ПСРЛ. Т. 20. Спб., 1910.
8. Московский летописный свод конца XV в. ПСРЛ. Т. 25. М., 2004.
9. Откровение Мефодия Патарского / пер. Л.Н. Смольниковой // Апокрифы Древней Руси: тексты и исследования. М., 1997.
10. Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. М., 2007.
11. Скрынников Р.Г. Иван III. М., 2006.
12. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Соч. Кн. III. Т. 5. М., 1989.
13. Софийская летопись. ПСРЛ. Т.6. Вып. 2. М., 2001.
14. Типографская летопись. ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921.
15. *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992.
16. *Черепнин Л.В.* К вопросу о складывании сословно-представительной монархии в России. (XVI век) // История СССР. 1974. № 5. С. 51–70.